

Игорь Миг

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

БАТИФОН

Ежедневные путешествия, которые мы не замечаем

Игорь Николаевич Миг Батифон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50633693

SelfPub; 2020

Аннотация

Эволюция восприятия, неумолимо трансформирующаяся в ничто. Медитативное приключение из детства в растворение, через линейные воспоминания трёх персонажей, которые, вполне вероятно, могли быть одним из нас. Драконы, морские путешествия, парки развлечений, космос и чёрный пёс Петербург как этапы иллюзий. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

(посвящается мизинцу левой ноги)

„Когда двери раскроются и запахом леса повеет, я, может быть, разберусь, что осталось во мне от меня.“

Пабло Неруда

„Иногда хватает мгновения, чтобы забыть жизнь, а иногда не хватает жизни, чтобы забыть мгновение.“

Джим Дуглас Моррисон

Несколько раз за лето мы с отцом ездили к дяде Ване, дом которого располагался за Паркентским рынком, ныне уже не существующим в том виде, в котором он запомнился мне – настоящим восточным базаром с обязательными близнецами Ходжи Насреддина на серых равнодушных осликах, воздухом, состоявшим из запахов дынь, персиков, урюка, свежеиспеченных в тандыре лепёшек и самсы, шашлыка, полуоттенков аромата специй, жгучего перца, чеснока и отпугивающей злобного шайтана травы исрык. При подходе к нему меня, тогда еще совсем мальчишку охватывало такое, знаете, парадоксальное восторженное сжатие, когда изнутри все расширялось от возрастающего ликования и предчувствия чего-то чудесного, а мурашки по телу разбежались во всякие потайные места, присутствия в которых чего либо было принято стесняться. Даже присутствия мурашковых. Наверное, в давние времена такие же ощущения всепоглощали изму-

ченных раками на безрыбье корсаров при abordage торгового судна, когда оборона была слаба и все устремления разума направлены на раздел представляемой жирной добычи и разнузданного кутежа по случаю изнуряюще долгожданной победы. И пьянящий запах пороха, крови, пота и, конечно же, морского ветра срывал напрочь и без того не совсем крепко державшуюся за уши крышу, оставляя тело на растерзание мелко бьющей дрожи и предистеричных возгласов неволею появляющимися ругательствами и междометиями вперемешку с криками чаек.

За деревянной калиткой дядьваниного дома скрывалось настоящее Зазеркалье – большой, во всяком случае, казавшийся таким, сад с высокими вишневыми и черешневыми деревьями, покрытыми грубой и глубоко рассеченной корой, напоминающей чешую старого дракона, отошедшего от дел, израненного в битвах с надоедливими богатырями за совершенно не нужных и не подходящих ему биологически принцесс. Зелёное крылатое чудище куполом густой листвы нависало над всем этим великолепным параллельным миром и уютом, сквозь который еле пробивались редкие солнечные лучи, ведущие себя как и подобает редким и малочисленным гостям – стеснительно и скромно, стараясь не нарушать обозначением уклад, атмосферой своей растворяющий тот мир, из которого ты шагнул сюда. Малиновые и смородиновые кусты вальяжно развалились по периметру садика, как отдыхающие греческие поэты в жаркий день, сдавшиеся на милость

изредка подлетающих к ним за спелыми красно-фиолетовыми ягодами воробьятых воробьёв. Дядя Ваня не возделывал грядки и не болел повальной чумой под названием "дачная". Огурцы, помидоры, картошка, армия кабачков и прочие надежды и опоры крестьянского толка не трогали его романтического, не совсем здорового сердца и он предпочитал не тратить оставшиеся у него часы, дни и годы на зарабатывание радикулита в попытках сэкономить немного монет. Он растил свой сад, ухаживая за ним, как верный друг заботится о верном друге, видя, что тот нуждается в глотке воды. Это был счастливый человек, жизненный успех которого выражался в простых вещах и поступках, не имеющих даже намека, налёта и пыли желаний сделать кому-то приятно, больно, хорошо или не очень. И если отец приезжал к нему за возможностью выпить в выходной день, третируемый в другие дни мамой, положившей всю жизнь на то, чтоб сделать из этого бродячего пса домашнего и послушного котика и потерпевшей фиаско (из отца получился избалованный мопс, использующий любую возможность для выскальзывания из её тисков с целью удовлетворения своих пагубных привычек), то дядь Вань составлял ему компанию просто так. Так, как улыбаются на залитой весенним утренним солнцем набережной незнакомый прохожий, идущий навстречу – просто так. Он мог пить или не пить, курить или не курить, с не меньшей увлеченностью предаваясь соревновательному азарту во время визитов к нему внука, обожающего прятки

и войнушки, вооруженный выпиленным из фанеры ружьём. Подтверждением его спокойного, можно сказать, гурманного отношения к алкоголю были несколько найденных мной на чердаке среди старых журналов про технику, деревянных игрушек и кучи велосипедных и неизвестных деталей (вот уж поистине – мечта любого искателя драгоценностей это место!) пыльных бутылок из под привозимого моряками из дальних походов белого кубинского рома с изображением на этикетке заключенной в круг статуи Инес де Бобадильи¹ и надписью «FUNDADA EN 1878». Я скручивал пробки с этих бутылок, чтоб позже расплющить их булыжником об асфальт и играть с другими мальчишками. В игре эта разновидность была чуть ли не королевой и оценивалась в нашем детском мире в условную единицу 5. Но так как мы не знали названий каких либо еще денежных единиц кроме рубля, то знатная дуэнья, украшающая несколько веков крепость Ла-Реаль-Фуэрса стоила 5 условных рублей и по аналогии с советской полубогиней парков называлась «женщиной с крестом», невольно показывая разрыв между культурой нашей страны и традициями братского кубинского народа.

А какая там была вишня! Мама, разбирая привезенные нами в бидонах и вёдрах трофеи, называла её "шпанка" и объясняла преимущество над простой вишней поистине гигантским размером мясистых, сочащихся сладким липким

¹ Изабель Ариас Давила де Бобадилья – испанская государственная деятельница, первая женщина-губернатор Кубы, капитан-генерал.

нектаром ягод и необыкновенной сочностью, рядом с которыми более привычный сорт казался стоящим на первой ступени эволюции вишнёвой цивилизации. Я сравнивал косточку шпанки и ягоду вишни и был поражен тем, что основа нарастающего великолепия первой была одного размера с созревшим плодом второй. Годы спустя воспоминания об этом давали почву для философских размышлений и нервных юношеских диспутов на тему калибра личностей и их влияния на неокрепшие, вернее, наоборот – очень крепкие умы.

Я забирался на самое любимое дерево, которое, казалось, после пары визитов начало узнавать меня и вполне свободно давало доступ на верхние ярусы своего королевства, где гуще и сплоченнее располагались вишневые колонии, вызывающие тот самый распробованный в зрелом возрасте восторг придуманных побед в придуманных же битвах и состязаниях с жизнью. Различие в восприятии этого восторга тогда и через время заключалось в том, что взрослый я быстро утрачивал это распирающее ощущение радости и проникающее исподволь осознание временности и быстротечности заползало в душу, прикрываясь плащом с яркой надписью золотом "ДОСТИЖЕНИЕ". Сокровища, скрытые от глаз тех, кто смотрел на меня снизу пленяли количеством глянцевого бликов на гроздьях бусин цвета густой крови, тщетно пытавшихся спрятаться за резаными мелким зубчиком листочками и оттого становилась понятнее жадность, погу-

бывшая старшего брата Али- Бабы из популярного тогда советско-индийского фильма. Маленькое белое ведёрко, привязанное к поясу выцветшей до грязно-синего прыгалкой – непременно аксессуаром девчачьих прогулок, непонятно как оказавшейся на крыльце дома первым попавшимся под руку подходящим средством, издавало пластмассовый стук в детский игрушечный барабан, когда первые сорванные ягоды падали на поцарапанное дно. Оно быстро наполнялось и звуки попадающих внутрь вишен превращались в ощущения постукивания кончиками пальцев по руке, становясь глуше и мягче. Пустели и как-то успокаивались корявые ветки вокруг, выглядя умиротворенными как сбросившие с плеч груз забот и проблем усталые женщины, обретшие, наконец, способность свободно дышать. И если несколько минут назад это были колючие и хлесткие стражи своих накоплений и плодов, непросто расстающиеся с ними, то сейчас они походили на ласковые руки мамы, гладящие лицо и волосы в шепоте сказки, рассказываемой легким дыханием ветерка.

Стоишь на драконовой лапе босыми ногами, одной рукой обняв шершавый ствол. Грубая чешуя царапает внутренний сгиб локтя, но тебе нет до этого дела – всё внимание направлено на спускающееся вниз привязанное к прыгалке пластмассовое ведёрко в вишнёвой шапке с лихо торчащим пёрышком – листочком. И чем оно ближе к притоптанному травяному ковру и дальше от твоей руки, тем более осязаема та вожденная цель, ради которой и затевалось восхож-

дение в Зелёное Царство Доброго Дракона.

А после, быстро слезая вниз, видишь ближайшее будущее – уплывающие под шагами ступеньки разошедшейся деревянной лестницы и открывающуюся дверцу чердака, хранящего для меня самую большую пустую бутылку от какого-нибудь взрослого противного напитка. В нетерпении спрыгиваю с дерева и, подхватив накренившееся ведёрко за привязанную вместо ручки проволоку, несусь к Большому Гусю, всегда радостно играющему со мной струями ледяной воды, лишь только поприветствуешь его нажатием на темное от времени металлическое крыло. Дядя Ваня и отец называли его «колонкой», но это название (я точно знаю, потому что Большой Гусь сказал мне об этом) было не очень подходящим и не отражало наличия той живительной энергии, которой обладал один из моих дядьваниных друзей. Радостная заждавшаяся струя ударяет в землю, но я подставляю под нее ладошки и напор смягчается, уходя в сторону наполненной вишней посуды. Это ничего – что я сразу же становлюсь промокшим почти до нитки, это такая игра, от которой становится свежо и весело всем участвующим в ней – и мне, и Гусю, и начавшим плясать под пенящимися струями ягодам, и даже двум мухам, почуявшим сладость. Листочек падает, подхватывается ручьём и кораблик с бесстрашными моряками на борту устремляется в дальнее плавание за приключениями, о которых никто не расскажет и не напишет книг. И я им немного завидую, пока еще совсем не понимая, что

все приключения, и книги, и персонажи появляются тогда, когда я сам этого захочу. Стоит только представить бушующий черный океан, рвущиеся в клочья штормовым вихрем полотнища туч и парус, удаляющийся в горизонт навстречу опасностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.